

Эти три слова — «я люблю тебя» — Сюй Сяочжэнь и стыдился сказать Гу Яню, и в то же время страстно надеялся, что тот их услышит. Хотел, чтобы он ответил: «Я тоже тебя люблю».

Но увы. Казалось, Гу Янь вовсе не расслышал их. Он лишь погладил Сюй Сяочжэня по щеке, наклонился, чтобы поцеловать, и всё.

Перед тем как в конце года Империя погружалась в аврал, была короткая передышка — редкое время покоя, которое здесь называли «затишьем перед бурей»: с конца ноября по начало декабря.

В эти дни Гу Янь тоже отдыхал. Раньше он бы уже давно куда-то умчался развлекаться — даже Гу Чуань едва мог его выловить. Но в этом году, кто бы его ни звал, он никуда не шел.

Никто не понимал, что он вообще нашёл в этой сидячей домашней жизни. Ну вернулся он домой — и что? Те же комнаты, те же стены. Неужели он целыми днями плещется в бассейне, глядя на солнце?

Гу Янь не собирался ничего объяснять. Всё равно не поймут. Ни того, каким он был раньше — беспрестанно мчащимся куда-то, — ни того, каким стал сейчас. Дома ведь хорошо.

Утром — поваляться с Сюй Сяочжэнем, обнять его покрепче. Потом проводить в школу, постоять, посмотреть, как он убегает за ворота. В обед — перекусить вместе. Вечером — встретить, а потом вдвоём обрезать свежие цветы и расставлять по вазам.

Потом Сюй Сяочжэнь садился за уроки. Если что-то не понимал — тянулся к нему, прося помощи, а Гу Янь, конечно, не упускал шанс получить пару поцелуев.

Когда уроки были закончены, Сюй Сяочжэнь шёл на кухню готовить. После ужина — или фильм, или другое. А потом — сон.

Да, у Гу Яня появилось новое хобби: провожать и встречать Сюй Сяочжэня из школы.

В тот первый день он вернулся домой, когда до конца последнего урока оставалось пятнадцать минут. Время — как по заказу. Его вдруг осенило, и он встал у школьных ворот, в голове проигрывая, каким будет выражение лица Сюй Сяочжэня, когда тот увидит его.

Но Сюй Сяочжэнь, похоже, его не заметил — прошёл мимо. Тогда Гу Янь потянул его за капюшон худи:

— Куда это мы?

Тот явно растерялся, прищурился, вглядываясь в лицо. И только потом, не веря глазам, пробормотал:

— Чжоу Янь?!

Гу Янь с удовольствием наблюдал, как в глазах Сюй Сяочжэня от удивления загораются искры. Его обычно спокойное лицо озарилось улыбкой, губы раздвинулись в настоящей радости. Гу Янь не смог не улыбнуться в ответ.

Это было какое-то новое чувство. Никогда раньше он такого не испытывал.

Он натянул капюшон ему на голову, приобнял за шею:

— Пошли. Сегодня едим не дома. Что хочешь? Ты такой худой... Я тебя кормлю-кормлю — куда всё девается?

Сюй Сяочжэнь задрал рукав:

— Я, между прочим, поправился! Утром взвешивался — плюс десять фунтов!

Гу Янь оглядел его с ног до головы. И правда — не скажешь, где там те десять фунтов. Но лицо стало ярче, румянец появился, губы уже не бледные.

— Ещё двадцать — и будет нормально, — пробормотал он.

Сюй Сяочжэнь закивал, воодушевлённый, глаза сияли от желания взять его за руку — но застеснялся. То шаг вперёд, то назад, крутился вокруг, болтая о пустяках, всё не решаясь на прикосновение.

Гу Янь не стал ждать и, несмотря на его робкие попытки вывернуться, крепко сжал его ладонь в своей. У Сюй Сяочжэня вспыхнули уши, и он сразу притих, словно молодая жена, прижался к нему и пошёл рядом.

Гу Янь не был тем, кто любит копаться в собственных эмоциях, искать причины или объяснения чувствам.

Если что-то приносит ему радость — он просто делает это. Если вызывает раздражение — уничтожает. Всё просто.

Большинство ситуаций и вовсе не требуют особого разбора. В жизни и так полно вещей, способных его развлечь — зачем утруждаться лишним анализом?

Каждое утро он смотрел, как Сюй Сяочжэнь выбегает из школы и прямо к нему, или, наоборот, машет ему на прощание, убегая за ворота. Солнечный свет ложился на его ресницы, брови, волосы — весь он дрожал в этих лучах, как капля света.

Он был как золото — тёплый, яркий, с торчащими клычками, с такой искренней, незащищённой улыбкой. В его глазах отражался только он — Гу Янь.

В груди у Гу Яня разрасталось нечто необъяснимое, как будто его переполняло, словно бы что-то готово было вылиться через край.

Он почти стал зависим от этого ощущения. Поэтому запросил у школы расписание Сюй Сяочжэня и теперь каждый день стоял у ворот после последнего урока. А вот довести его до школы утром — это уж как получится: если встанет с постели.

Он, Гу Янь, куда бы ни пришёл — везде был в центре внимания. И теперь он каждый день по десять-пятнадцать минут торчал у школьных ворот. Те, кто его узнавал, были в настоящем шоке.

Когда Сюй Сяочжэнь выбегал ему навстречу, у окружающих возникал закономерный вопрос: неужели Гу Янь серьёзен? Может ли он правда влюбиться? Разве этот альфа — не тот, кто бросит свою «игрушку» через полгода?

Но Гу Янь давно забыл о том глупом пари. В его глазах Сюй Сяочжэнь был совершенен. Единственное, что в нём выбивалось из нормы — это распорядок дня. Он никогда не встречал человека, который бы просыпался в четыре утра и к шести уже сидел в библиотеке.

Каждое утро Сюй Сяочжэнь тихо вставал, готовил завтрак, а перед уходом украдкой целовал его в щёку.

Он думал, что делает это незаметно.

Но Гу Янь знал всё.

Сейчас их жизнь была счастливой — и для Гу Яня, и для Сюй Сяочжэня.

Гу Янь, за редкими исключениями — вроде тех лет, что он провёл в 18-м секторе, — никогда не знал, что такое нехватка денег. Для него деньги были всего лишь холодными числами на экране, абстрактной величиной без веса и запаха. Поэтому он легко делился ими с Сюй Сяочжэнем: сегодня отдавал одну карту, завтра — если настроение позволяло — добавлял ещё одну. Без расчёта, без условий.

Сюй же смотрел на эти суммы так, будто видел отчёт о катастрофе. Сердце замирало каждый раз, когда он проверял баланс.

Он аккуратно подписывал карты стикерами, указывая сумму, и складывал их в ящик у кровати, будто составлял личный каталог тревог. Не прошло и двух недель, как в ящике лежало уже семь или восемь карт. Но он не потратил ни юаня. Не из скупости — просто не знал, на что тратить. Всё необходимое уже было. А всё остальное — казалось лишним.

Гу Янь купил ему дом, передал эти карты... Сюй Сяочжэнь решил, что, наверное, тот хочет на нём жениться.

Он листнул страницу книги — и неожиданно замер, задумавшись.

С их статусами это выглядело неправдоподобно. Слишком несоответствующе. Если Гу Янь когда-нибудь решит жениться, ему придётся пройти через десятки барьеров, формальных и не очень. Конечно, Сюй мечтал об этом. Но он понимал: сейчас — ещё нет. Сейчас — нужно быть тише, скромнее. Нужно стать достойным. Хотя бы попробовать.

...

К концу ноября резко похолодало, и старая травма напомнила о себе. Рука снова начала беспокоить: кожа на пальцах покраснела, опухла, местами посинела, а при попытке согнуть пальцы боль становилась резкой, режущей.

Когда-то Чэнь Исунь сломал ему две фаланги, наступив ногой — это превратилось в хроническое повреждение. Позже, в день покушения на Гу Яня, Сюй снова получил удар — его затолкали в шкаф, и травма усугубилась. Одна боль наслаивалась на другую.

Годами он не уделял должного внимания лечению — и теперь кости разрушались. Каждую зиму, стоило только прийти сырому холоду, рука опухала до состояния плотной редьки. В этом году, хотя бы, он дошёл до университетской медчасти — мазь немного помогла, боль притупилась.

Хорошо ещё, что, если стиснуть зубы, писать всё ещё можно. Просто чуть медленнее.

Впереди были финальные экзамены, и без того плотный график Сюй Сяочжэня превращался в настоящий цейтнот.

Хорошо ещё, что в последнее время Гу Янь снова погрузился в работу — домой возвращался только к десяти вечера. Забота больше не требовалась. Его прежняя игра «в проводы и встречи» тоже приостановилась — естественным образом, без объяснений.

Когда Гу Яня не было дома, Сюй Сяочжэнь сам избегал туда возвращаться. Пространство было слишком большим. Он никогда не жил в подобных домах: тишина здесь звенела, стены давили.

Он никогда не говорил Гу Яню, как себя чувствует. Даже себе признаться было трудно.

Потому что глупо.

Однажды он побывал в другом доме Гу Яня — том, что был ещё просторнее, ещё роскошнее. И тогда он впервые понял: если бы после этого ему вдруг предложили переехать в обычную квартиру, он бы почувствовал себя неуютно. Будто стал причиной какого-то «понижения». Будто альфа должен был спуститься к нему, потому что он сам — недостаточен.

Он пытался привыкнуть. Настраивал себя. Но не находил точки опоры. И потому, когда Гу Яня не было дома, он тоже туда не спешил. Только в его присутствии стены теряли свою пустоту.

Была и другая причина. В университетской библиотеке работать получалось лучше. Атмосфера помогала сосредоточиться, не рассыпаться в мыслях.

Сегодня был серый, пасмурный вечер. За окном уже стемнело — стрелка часов перевалила за семь. Сюй Сяочжэнь мельком подумал, не занят ли ещё Чжоу Янь. Хотел сделать, как он: поехать, дождаться, встретить с работы. Но тут же осёкся.

Это было бы рискованно. Его появление — повод для разговоров. Гу Янь мог пострадать. Мог потерять лицо.

Он сжал пальцы, глядя в тёмное стекло, и остался на месте. Просто открыл мессенджер и написал короткое сообщение:

«Когда ты будешь дома?»

Ответа не было. Время шло. Он решил: если к девяти не придёт весточка — поедет домой сам, что-нибудь приготовит и подождёт.

В доме он выключил почти все датчики освещения — оставил только те, что реагировали на движение в прихожей и гостиной.

Когда Гу Янь вернулся с компанией, их встретил лишь рассеянный свет в коридоре, два одиноких огонька, выхватывающие из темноты очертания мебели и стены.

— Ха-ха, брат, ты теперь у нас экономный? — усмехнулся кто-то из гостей.

— Смотри-ка, повзрослел. Понял, что беречь — это, оказывается, добродетель, — подхватил другой, весело, но с оттенком язвительности.

Гу Янь раздражённо дёрнул плечом. Внутри что-то резануло — неприятно, как будто Сюй Сяочжэнь поставил его в неловкое положение, подставил, выставив скупым хозяином перед людьми. Он нахмурился, молча подошёл к главному выключателю у двери и включил общий

свет.

Дом вспыхнул мгновенно. Ослепительный поток залил всё пространство, включая те комнаты, в которые никто не заходил. Загудела техника, ожили устройства, выключенные заранее, и вся показная роскошь интерьера теперь блистала с удвоенной силой, подчёркивая масштаб, богатство, избыточность.

— Эй, а маленького зятя нет дома? — Чжоу Цзиншуо, ведя себя как у себя, прошёлся по дому, убедился в отсутствии Сюй Сяочжэня и разочарованно покачал головой.

На самом деле пришли они именно ради него. В их кругу уже несколько недель обсуждали нового фаворита старшего Гу — мол, и из дома не выпускает, и в университет чуть ли не за руку водит. Всем не терпелось посмотреть, что же за «любимец» завоевал его внимание. Но Гу Янь никому его не показывал, держал в тени, что только разжигало интерес.

Добиться разрешения на визит, попробовать еду, приготовленную тем самым Сюй Сяочжэнем, удалось лишь потому, что они знали друг друга с детства — связи были прочными, почти семейными.

Прийти одному — раньше это было в порядке вещей. Но после той вечеринки на яхте, когда Чжоу Цзиншуо перепил и позволил себе лишнего, поставив под сомнение авторитет Гу Яня, его самостоятельные визиты стали выглядеть... двусмысленно. Вдруг решат, что он снова пытается «урвать» чужое. Вот он и пришёл с целой компанией, чтобы не возникало вопросов.

Атмосфера с каждым минутой становилась всё более напряжённой. Все словно невзначай поглядывали на Гу Яня, чьё лицо оставалось отстранённым, холодным, без намёка на приветливость.

— Не может быть, — вдруг подал голос Су Чэн, самый старший среди них. — Даже любовника держишь под таким контролем, что он тобой командует? Ты дома, а его всё нет?

— Гу-ге, — подал голос кто-то из гостей, — скажу тебе прямо: их нельзя баловать. Только зажалуешь — и всё, конец. У кого нормальные любовники — те дома сидят, как положено, по стойке смирно, в халате, ждут, пока ты вернёшься. А твой... тьфу...

— Моего человека не вам обсуждать, — резко оборвал его Гу Янь. Голос звучал холодно, сдержанно, но за этой сдержанностью угадывался раздражённый металл. Все тут же осеклись.

Он всегда был таким. Стоило кому-то перейти границу — маски спадали мгновенно.

Не найдя Сюй Сяочжэня дома, он злился всё сильнее. Чем тот вообще занят? Он содержал его не для того, чтобы по возвращении встречала пустота. Ему нужен был кто-то живой, тёплый, рядом — сейчас, а не потом.

Он сразу набрал номер, не колеблясь:

— Где ты? Домой. Немедленно.

Сюй Сяочжэнь в этот момент сидел в библиотеке. Только открыл рот, чтобы ответить, чуть приглушив голос, как звонок уже оборвался. На том конце не стали ждать.

Он уставился на экран. Гу Янь вернулся, не найдя его, и... рассердился? Это было не похоже на него — не в последнее время. Давненько он не говорил с ним таким тоном. В груди неприятно сжалось.

Но потом пришло другое ощущение — почти покаянное: он и правда давно его не видел. Гу Янь, должно быть, завален делами. Ну и что, что вспылит? Такое бывает. Имеет право. В конце концов, он сам старался. Теперь — его очередь.

На экране телефона всё ещё висело непрочитанное сообщение: «Когда ты будешь дома?» — ни ответа, ни реакции. Рядом — другие, тоже без ответа. Сюй Сяочжэнь быстро потушил экран, торопливо собрал книги и вещи и вышел.

Он ворвался в дом запыхавшись, почти бегом, уже готовясь вслух извиниться — но остановился, как вкопанный, когда увидел, кто в гостиной.

На диванах сидели незнакомые мужчины. Все как на подбор: высокие, собранные, в костюмах безупречного кроя, с той лёгкой усмешкой, которая говорит о внутренней уверенности и власти. В каждом взгляде — превосходство. В каждом движении — привычка доминировать.

Гу Янь сидел среди них, говорил с кем-то, не глядя в его сторону.

Пожив несколько месяцев в 1-м секторе, Сюй Сяочжэнь научился быстро распознавать людей — не по словам, не по поступкам, а по интонациям, взглядам, мельчайшим жестам. Эти были альфами. Безошибочно.

Раньше ему казалось, что самые опасные — омеги: скрытные, эмоциональные, сложные. Но теперь он знал, где прячется настоящая угроза. Альфы — те, что родились с привилегией. В школе чаще всего именно они начинали травлю. И хотя у них с рождения было больше силы, власти и влияния, это не мешало им быть жестокими. Напротив — только усиливало эгоизм.

Даже беты, не говоря уже об омегах, старались держаться от них подальше.

У Сюй Сяочжэня дрожали пальцы. Он отступил на шаг, инстинктивно захотел развернуться и уйти. Но взгляд зацепился за фигуру Гу Яня — тот сидел среди них. И это, как ни странно, дало опору. Он остановился, попытался совладать с собой и, заставив голос звучать ровно, произнёс:

— Я дома.

Чжоу Цзиншуо посмотрел на него с явным интересом, но, памятуя о том, чем закончилась его последняя выходка, не решился перейти границу. Только широко улыбнулся — с притворной дружелюбностью:

— Младшенький, ну вот и ты.

Сюй Сяочжэнь замер, не понимая, кто этот человек и почему тот обращается к нему, будто они давно знакомы. Он вежливо кивнул — без особого выражения, не желая показаться грубым или поставить Гу Яня в неловкое положение. Инстинктивно посмотрел на него, надеясь, что тот представит их друг другу, как делается в таких случаях.

Но Гу Янь, по-прежнему затаивший обиду за то, что Сюй подвёл его перед друзьями, не ответил на взгляд. Словно не заметил. Словно его не было в комнате. Это молчание — намеренное, подчеркнутое — дало понять: сейчас он не на его стороне.

Сюй Сяочжэнь почувствовал, как в груди сдавило. Но вместо того чтобы замкнуться, он собрался. Выпрямил спину, сжал ремешок сумки в пальцах и спокойно сказал:

— Я могу заварить вам чаю.

Альфы наблюдали за ним с вниманием — ленивым, пренебрежительным. Им было любопытно, как он держится: худой, неловкий, без намёка на харизму, почти не улыбается, говорит тихо, движения — неуверенные. И всё же именно он — любимец Гу Яня.

В их взглядах читалось всё: лёгкая снисходительность.

Вот он? Этот? И ради него — вся эта закрытость, вся эта демонстративная верность?

От этих взглядов становилось не по себе. Сюй Сяочжэнь нахмурился. Раньше, возможно, вспылil бы, но сейчас — это друзья Чжоу Яня. Оставалось лишь сдерживать себя.

Все альфы казались одинаково неприветливыми. Он ясно понимал: спорить сейчас — неуместно. Одно неловкое слово может отразиться на Чжоу Яне. А у того на носу повышение. Связываться с нужными людьми — последнее, что ему сейчас нужно. Лучше промолчать.

Чжоу Цзиншуо, наблюдая, как на лице Сюй Сяочжэня вспыхивают эмоции — испуг сменяется сдержанным отвращением, — откровенно забавлялся. Он отличался от большинства бет, которые сразу тушевались и прятали глаза. Улыбаясь, он начал представлять всех по очереди:

— Младший, я — Чжоу Цзиншуо, двоюродный брат Гу Яня. Это Су Чэн, его отец работает в

кабинете министров. А это — Чэнь Жанъян, его отец командует флотом... А остальные — мы все с детства вместе. Не стесняйся.

Говорил он с небрежной легкостью, но Сюй Сяочжэнь сразу почувствовал: за каждым именем — вес, статус, родительские должности, которые, возможно, лишь верхушка айсберга. Поэтому он почтительно поклонился и поздоровался.

Никто даже не пошевелился. Кто-то назвал его «младшим зятем», кто-то — «младшеньким». Сюй не вполне понимал, откуда это «младший» — возможно, из-за того, что они с Чжоу Янем ещё не женаты.

— Брат говорит, ты хорошо готовишь, — продолжил Чжоу Цзиншуо с ленивой усмешкой. — Вот мы и пришли. Нагло, конечно. Младшенький, ты ведь не обидишься, если мы попробуем твою стряпню?

Сюй Сяочжэнь бросил взгляд на Гу Яня. Тот никак не отреагировал. А если не остановил — значит, не возражает. Сюй кивнул:

— Хорошо.

И пошёл на кухню.

Как только Сюй Сяочжэнь скрылся из комнаты, Чжоу Цзиншуо тут же повернулся к Гу Яню с примирительной улыбкой:

— Брат, по поводу той яхты... Я был пьян. Прости, если что. Не держи зла. Кстати, твой младшенький — ничего такой. Ты сам видел: весь вечер смотрел только на тебя. Пока не кивнёшь — ни слова. Совсем не то, что эти вечно самодовольные куклы.

Остальные дружно закивали. Чэнь Жанъян добавил:

— Гу-ге, у тебя глаз на таких. Пусть выглядит просто, но зато — тихий, спокойный, без выкрутасов. А это, в конце концов, главное. Даже если потом женишься — такой рядом, незаметный, будет очень кстати.

Заговорили все разом, поддерживая друг друга — с улыбками, полунасмешками, с лёгкой развязностью.

Гу Янь молчал, слушая, как они нахваливают Сюя: мол, покладистый, послушный, удобный. На его холодном за вечер лице впервые скользнула тень самодовольной усмешки. Он слегка приподнял подбородок:

— Что до «покладистого» — вы, пожалуй, переоцениваете. Но да, послушный. Скажу ему направо — налево не пойдёт. Что будет дальше — посмотрим. Но если и дальше будет себя так вести, не вижу причин, чтобы не оставить его рядом.

Погода с утра не задалась: пасмурно, промозгло. Весь день в библиотеке только усилил усталость. Кисть руки снова опухла, ноющая боль отдавала в локоть — будто кто-то вонзал под кожу тонкие иглы.

Сюй Сяочжэнь опустил руку в холодную воду. Боль чуть притупилась. Сейчас было не до жалоб — в доме гости. И не какие-нибудь.

Сжав зубы, он приготовил шесть блюд и суп. Вынес всё на стол.

С тех пор как начал жить с Гу Янем, многому научился. Раньше и названий многих продуктов не знал, а теперь мог приготовить их — и даже неплохо. Прогресс небольшой, но свой.

Когда всё было готово, Чжоу Цзиншуо громко позвал всех к столу.

Сюй Сяочжэнь быстро понял: за столом ему не нашлось места. Разговоры — не для него. Он тихо отступил, перекусил чем-то на кухне и ушёл в спальню — к учебникам. Пусть Гу Янь сам развлекает гостей.

В столовой откупорили вино, зазвенели палочки. Блюда оценили сдержанно: не ресторанный уровень, но и не повод для критики.

Гу Янь, впрочем, ел с явным аппетитом. В последнее время он всё чаще отказывался от ресторанов, предпочитая домашнюю еду. Гости, уловив настроение, ограничились вежливыми комплиментами — «вполне достойно», «ничего так».

Похоже, Гу Янь принял это всерьёз. Его лицо потеплело, он стал чаще поднимать тосты.

К концу вечера всем стало ясно: этот несговорчивый, всегда отстранённый альфа действительно испытывает чувства к своему «маленькому».

Кто бы мог подумать, что такой заурядный на первый взгляд бета сумеет привлечь — удержать — внимание Гу Яня?

Но и среди гостей нашлись те, кто взглянул на Сюй Сяочжэня иначе. Скромный. Спокойный. Вежливый, но без заискивания. Не лезет вперёд, не бросается в глаза. Внешность приятная, готовит сносно. И главное — удобен. Идеален для выхода в свет: не подведёт, не опозорит.

Некоторые даже задумались: может, и себе найти такого — покладистого, надёжного.

Снаружи становилось всё шумнее. Хотя было уже поздно, Сюй Сяочжэнь не ложился. Ждать, пока гости уйдут, было делом вежливости.

Он пытался читать статью, но мысли путались, словно варились в густой клейкой каше — липкой, тягучей, горькой. Хотелось закрыть глаза и не думать, но приходилось «есть» это состояние — деваться было некуда.

Он надеялся, что Чжоу Янь зайдёт. Хоть ненадолго. Скажет пару слов. Увидит его. Скажет: «Ты сегодня устал. Спасибо тебе».

Просто чтобы он почувствовал: его заметили.

Но снаружи всё продолжало гудеть. Он не заметил, как уснул, уткнувшись лицом в стол. Так и не дождавшись этих слов.

Гу Янь вошёл только после того, как провёл гостей. В комнате было полутемно. Сюй спал, склонившись над столом, плечи поникли, каштановые волосы мягко светились в луче лампы.

Гу Янь был в приподнятом настроении. Весь вечер чувствовал себя почти как ребёнок, которому позволили хвастаться новой, особенной игрушкой. Его окружение восхищалось, завидовало — и всё это благодаря Сюй Сяочжэню. Благодаря ему Гу Янь выглядел иначе. Авторитетнее. Увереннее.

Но взгляд скользнул по столу: несколько крошек от печенья, полстакана остывшей воды. И он понял — это, скорее всего, и был ужин Сюя.

Настроение обрушилось, будто что-то тяжёлое с глухим стуком упало внутри. Он вспомнил, как нарочно не замечал взглядов Сюя, как тот ждал хоть какого-то сигнала — и ничего не дождался.

Впервые в жизни Гу Янь по-настоящему ощутил, что такое рефлексия. Возможно, не стоило сегодня никого приглашать.

Он взглянул на часы — было уже поздно. Осторожно подошёл, склонился, поднял Сюя на руки и отнёс к кровати.

Когда стал помогать ему снять одежду, случайно коснулся опухшей руки — и Сюй Сяочжэнь вскрикнул от боли. Проснулся, моргнул. Увидел его — и в глазах сначала отразилась тревога, а потом облегчение.

Но уже через секунду лицо напряглось — будто вернулась память.

— Они уже ушли? — спросил он в панике.

Гу Янь кивнул.

Сюй Сяочжэнь опустил взгляд. Он не проводил гостей. Уснул. Это выглядело неуважительно. Наверняка теперь подумают, что он — грубый, недостойный. Что Гу Янь ошибся, выбрав себе такого.

Гу Янь не знал, что творится у него в голове. И, по правде говоря, не особенно интересовался. Он просто закатал рукав, взял его за руку — и замер, увидев, как опухли мизинец и безымянный палец.

Будто удар пришёлся прямо в грудь. Только на этот раз — сильнее. Вслед за этим пришёл гнев.

— Это ты так готовишь?! — рявкнул он.

Сюй Сяочжэнь не понимал, откуда в нём столько злости. Тихо пробормотал:

— Это же не заразно...

Гу Янь с силой натянул на него одежду, достал телефон и вызвал врача.

То ли дело было в том, что это 1-й сектор, то ли сработала фамилия Гу — но врач приехал меньше чем через десять минут. Ещё двадцать — и всё было закончено: осмотр, обработка, краткий диагноз.

— Хроническая травма. Ничего критичного, но нужен постоянный уход. Холодную воду исключить полностью. И не перегружать руку, — сказал врач.

Выражение лица Гу Яня было таким, будто он готов кого-то убить. Он резко повернулся к Сюю:

— Ты это слышал?

Тот кивнул, не поднимая взгляда:

— Услышал.

Пальцы теребили край рукава. Но внутри словно что-то оттаяло. В этой грубоватой, резкой манере всё равно ощущалась забота. В раздражении — тревога. А в тревоге — тепло. Сердечный шум стал чуть тише, мысли — яснее.

<http://bllate.org/book/14462/1279151>